

ЕЛЕНА РОНИНА

КРУГ *избранных*

СТЕНЫ МОЛЧАТ,
но письма помнят

Елена Ронина
Круг избранных
Серия «Близкие люди.
Романы Елены Рониной»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74207021
Круг избранных / Елена Ронина: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-250978-0

Аннотация

«Что может быть любопытней человеческой судьбы и путешествий? Что важнее познания человеческой судьбы и мира?

Елена Ронина пишет именно об этом. Ей интересен человек и интересен мир. И то, и другое – огромно, непостижимо, и все-таки писатель пытается разобраться... Поэтому Елену Ронину хочется читать и читать...» – Мария Метлицкая

Долгожданное продолжение романа «Последняя гроза»!

Одно письмо из Лондона. Несколько старых тетрадей. И имя, которое в семье давно произносят почти шепотом.

Зильке даже не подозревала, что найденные дневники прадеда могут перевернуть представление о собственной семье. За аккуратными страницами воспоминаний скрывается история любви, потерь и решений, которые эхом отзываются спустя десятилетия.

Новый роман Елены Рониной – это история о том, как прошлое однажды возвращается. И тогда становится ясно: некоторые тайны не исчезают, пока кто-то не решится их прочитать.

Содержание

Пролог	6
Часть 1. От дома – к дому	16
Глава 1. Конрад	16
Гаггенау. 1992 год	16
Ярославль. 1918	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Рони́на

Круг избранных

© Рони́на Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

У меня нет всего, что я люблю.

Но я люблю все, что у меня есть.

Лев Толстой

Автор от души благодарит Соколову Марию

Александровну за помощь в работе над книгой

Все совпадения случайны, все персонажи вымышлены.

Пролог

Гаггенау. Наши дни

Если бы у Зильке спросили про ее любимый цвет, она бы определенно назвала белый.

Больше всего на свете она ценила порядок, а белый позволял тот порядок поддерживать. Когда все белое – нет места хаосу.

В ее небольшой квартире белым было все. Шкафы, посуда, ковры. Вещи покупала не она, квартира была съемной, но именно расцветка подкупила Зильке. Поэтому она ее и сняла.

Небольшая студия с нишей для спальни в старом районе Гаггенау. Сегодня модно жить в новых стеклянных высотках, расположенных вдоль реки Мург. Финансово Зильке такой комфорт не тянула. Да и много ли нужно молодой девице, работающей на полную катушку?

А в этой небольшой квартире ее устраивало все. Удобная кровать в большой нише, имитирующей спальню, обеденный стол внушительных размеров, который служил заодно и рабочим местом; широкие подоконники, на которые можно складывать папки с бумагами.

За два года, что Зильке снимала эту квартиру, в ней ничего не поменялось. Разве что бумаг на подоконниках прибавилось. Они категорически не хотели помещаться в ящики комода, но были белыми, так что не мешали.

– Почему ты не купишь письменный стол? И бумаги бы все убралась в ящики стола, – вечно влезала со своими советами мать.

– А зачем? Мне так удобно... – В этот момент нужно обязательно надеть наушники, чтобы Клаудия не сомневалась – разговор окончен.

А может, мать права? И ей все-таки нужен тот самый письменный стол? Тогда бы она не искала уже два часа проклятый договор аренды? Зильке занималась поисками договора с самого утра, а тот как сквозь землю провалился. И что делать? Зильке клятвенно обещала в бухгалтерии, что в понедельник его принесет.

Она вытащила ящик комода и вытряхнула содержимое на пол. Куда она положила этот договор?

Времена изменились, все документы есть в электронном виде, при желании можно утерянный документ восстановить, не такая большая потеря. И все же Зильке разнервничалась. Во всем должен быть порядок. Особенно в документах. Это не дело, что, во-первых, она его не может найти, а во-вторых, что в принципе понятия не имеет, куда она этот договор положила. Как так?! Документы – это часть ее профессии. А если она вот так начнет забывать или терять то,

что принадлежит ее клиентам?

Сегодня явно не ее день, все шло не по плану. Нервы, это все нервы. Ну хорошо, значит, нужно начать все сначала. Как там она искала? Без всякой системы открывала ящики. Вроде бы должен быть здесь. Ах нет. Тогда точно вот там. Нет, так дело не пойдет.

Зильке окинула взглядом свою небольшую квартиру. Откуда столько бумаг? Да, так бывает. Вдруг, разбирая ящики, зацепилась глазом, недочитала, отложила документ в сторону с мыслью, что нужно просмотреть. И вот эти папочки, которые должны быть изучены, как время будет, так и остаются лежать на виду. Только их, естественно, никто не просматривает. А папочка «на виду» превращается в форменный беспорядок.

По большому счету Зильке – аккуратистка. Она никогда не любила все эти статуэточки и фоторамочки, которые тоннами выставлены на подоконниках ее матери. Поверхность должна быть гладкой. Желательно без единого цветка и вазочки.

– Ну как можно жить без цветов? – вечно охала мать, когда заглядывала к дочери.

– Прекрасно! Цветы – это прошлый век. И потом я все равно обязательно забуду их полить. Мама, мне тридцать четыре года, прививать любовь к природе уже поздно.

– Сколько тебе лет я, слава богу, помню, у меня нет деменции. – Мать тут же переводила разговор на себя. – К че-

му ты мне все это сказала? Или есть? Ты что-то скрываешь?

– От тебя, пожалуй, скроешь. И потом твой врач выболтал бы тебе все и мгновенно.

– Ему я как раз не доверяю. Он мне не устает повторять, что я из рода долгожителей. К месту и не к месту.

Тема цветов забыта. Мать легко было сбить с толку. Она уже задумалась о своем дедушке, который дожил практически до девяноста восьми лет. После его ухода семья окончательно превратилась в женское царство. Бабушка растила дочь без мужа, мать Зильке, Клаудия, повторила тот же путь. Почему?

– Это все Конрад, твой прадед. С ним просто никто не мог конкурировать, все проигрывали этот бой, – любила повторять мать, чем бесила Зильке. Она не любила, когда кого-то ей ставили в пример.

– Конрад умер миллион лет назад.

– И что? Для меня он живет всех живых.

Мать легко съезжала с основной темы разговора. И дело было не в деменции. К сожалению, была другая причина. Зильке вздохнула и продолжила поиски договора. Вот черт! Ну куда он мог подеваться?

Пожалуй, нужно начать с ниши в спальне. В нее помещался небольшой платяной шкаф, комод, еще и под кроватью выдвигались ящики. Боже. Тут работы на целый день. Зильке последовательно открывала все ящики, включая те, где хранится нижнее белье. Есть у нее такая привычка – запих-

нуть самое важное именно туда. Хотя что может быть важного в договоре на квартиру? Разве что цена. Зильке не хотела, чтобы о цене узнала мать, пусть думает, что квартира значительно дешевле.

Как ее учила бабушка? Идем от двери слева направо. Методично, разбирая каждый уголок.

Зильке еще раз свежим взглядом посмотрела на свое жилье. С первого раза даже непонятно, кому оно принадлежит – женщине или мужчине. Полный аскетизм, все только самое необходимое. Просторный зал разделялся на зону кухни и гостиную. Гостиная служила еще и рабочим кабинетом. Нишу – спальню с гостиной – отгораживала раздвижная дверь, которая всегда оставалась открытой. Зильке не любила замкнутых пространств. Шторы не задергивались, через открытую перегородку видно было большое окно в гостиной. Вся мебель белого цвета, даже серый диван был немного белесым.

Ткань «с сединой», как выразилась мать, и это было совершенно справедливо.

Таким же седым был хлопковый ковер из «Икеи».

В спальне ничего интересного не нашлось. Но Зильке отметила, что у нее много красивого нижнего белья. И почему она его не носит?

Чтоб не путаться, Зильке в кои-то веки закрыла раздвижную перегородку и продолжила поиски в гостиной зоне. Ну что ж, сегодня она наведет порядок. Она методично

вытаскивала папки с документами, просматривала каждый. Что-то откладывала для последующего уничтожения, что-то перекладывала. Сама себя хвалила за то, что нашла время для такого важного занятия. Спасибо бухгалтерии.

Неожиданно глаз зацепился за пухлый конверт. Боже свя-
тый! Это же дневники Конрада. Прадед отдал их ей за год до своей смерти, ему было девяносто семь, Зильке – двенадцать, со словами:

– Не могу сказать, что это что-то уж очень ценное, но, наверное, все же важное. Сейчас читать не обязательно, да тебе и не интересно будет. Но когда-нибудь ты обязательно их прочитаешь.

– Когда, Конрад? – Девочка называла деда по имени.

– Когда придет время.

Она опять хотела спросить: «Когда придет время – это когда?» Но вовремя поняла, что ответ она уже получила.

Маленькая Зильке честно хотела прочитать дневник в тот же день и даже попыталась. Открыла и ничего по первому листку не поняла. Сложно выговариваемые имена, да и места, о которых писал ее прадед, были Зильке не известны. Значит, время еще не пришло.

Надо же – найти дневники более чем через двадцать лет. Она не торопилась открывать тетрадь, вспомнился дед, молодая мама, их странная суматошная жизнь, где непонятно, кто кого воспитывал, и все друг другом были недовольны. Как же она забыла про эти дневники?

Зильке открыла толстую тетрадь, и практически в тот же момент раздался телефонный звонок. Понятное дело, мать. Клаудия обладала удивительным свойством звонить не ко времени. Как всегда, мать начала с места в карьер:

– Я получила очень странное письмо.

– Ты выиграла в лотерею?

– Ничего смешного. Это абсолютно нормальное письмо от реального человека.

– Реальнее мошенников сегодня никого нет.

– Ты мне дашь сказать, в конце концов?!

– Прости, да, конечно. По мейлу?

– Представь себе, по почте. На английском языке. Пишет некая Наталья.

– И что пишет? Ты все поняла?

– Там легко. Не понять невозможно. Мы же встречаемся в пятницу? Ты не забыла? День рождения Конрада и день смерти моей мамы. Как раз и письмо посмотришь. Пока я не поняла, как к нему относиться.

Зильке хотела спросить, а зачем мать тогда позвонила? Она всегда поражалась удивительной непоследовательности Клаудии. Сказала «а», говори «б». Тяга матери к интригам порой сводила с ума. А может, она просто хотела завоевать внимание дочери? Показать ей интересной? Как ребенок, право слово. И что это за Наталья? Русское имя... В Германии она была бы Наташей. Вот только еще этим не хватало голову забивать. От чего мать ее отвлекла? Ах да, договор...

Интерес к дневнику был мгновенно утерян. А договор она нашла в ящике с инструкциями. Что, в принципе, было достаточно справедливо.

Лондон

Наталья еще раз перечитала письмо, привычка сохранилась со студенческих лет.

Она никогда не отправляла письмо, внимательно не перечитав и мысленно не поставив внизу свою подпись. Может быть, что-то нужно дописать? Дополнить? Нет, она пошлет письмо именно в таком варианте. Не дописав больше ни слова. В письме больше загадок, чем информации. Что делать? Она и сама ни в чем не уверена. А главное, она не знала тех, кому то письмо отправляла. Зачем тогда писать подробности? Они могут стать шокирующими. Пусть сначала эти люди дадут обратную связь. Так будет честнее.

Мысленно Наталья вернулась в недавнее прошлое.

Пожелтевший конверт. Идеальный почерк...

Кто сказал, что нельзя читать чужие письма? У Натальи другие правила. Если письмо находится в ее доме, если ему много лет, то это письмо не просто можно прочитать. Его прочитать нужно. Возможно, оно может спасти чью-то жизнь. Возможно, оно является угрозой ей, ее семье, ее имуществу.

Тот пакет она нашла в их новом доме на чердаке. Увеси-

стый, заклеенный, еще и перевязанный веревочкой. На пакете только имя.

Наталья ни секунды не сомневалась, что тот пакет нужно вскрыть. В пакете кроме всего прочего оказалось письмо. Тетради, альбомы и то самое письмо. Наталья не раздумывая открыла конверт и начала читать. Оно было полное боли по поводу жизни, прожитой впустую.

Наталья не очень сильна в анализе человеческих душ и сначала просто ничего не поняла. Ясно одно. Это послание. Послание конкретному человеку. История никак не была связана с Натальей, но она все же решила размотать семейный клубок и найти того самого адресата.

Это оказалось не так-то просто сделать. Пришлось вернуться более чем на сто лет назад, но, как ни странно, ей это удалось. Спасибо дневникам и альбомам, которые она нашла в том же пакете.

Своему мужу, Брайану, Наталья показала письмо после того, когда точно знала, кому его нужно отправить.

Муж удивился, взял паузу, долго не говорил ни «да», ни «нет», а потом аккуратно произнес:

– Я бы, наверное, не хотел получить такое. А ты?

– Не знаю. Возможно. – Наталья тогда задумалась. Она не примеряла ситуацию на себя. – Возможно, не нужно было копаться. Но я это сделала.

– И?

– Значит, они его получают. Может быть, и реакции ника-

кой не последует.

– Как вы говорите: «поживем – увидим»?

– Да. Мы так говорим.

До сегодняшнего момента она одна была хранительницей тайны, но еще немного, и ящик Пандоры откроется. Что это принесет? Боль или радость? Да. Именно так, как сказал Брайан.

Брайан, Брайан. Наталья сжала руки в кулак. А ведь она думала, что они вместе разгадают эти тайны. Нет, это неправильно. Нельзя отступать. Надо успевать делать добрые дела при жизни. Вот нет на земле больше Брайана. А вдруг он тоже унес какие-то тайны с собой? И есть письма, которые она сама еще должна получить? Какими они будут? Скорее всего, и у ее мужа были какие-то тайны. Про это лучше не думать.

Наталья распечатала письмо на принтере, положила его в конверт и вызвала курьера из службы DHL. Завтра письмо отправится в Россию.

Она опять вернулась к компьютеру. Как всегда, много спама, борись не борись, любое ее движение с поиском чего бы то ни было в интернете оборачивалось приглашением или предложением. Куда-нибудь или чего-нибудь.

Среди непонятного и незнакомого она чуть не отправила письмо от Петра Никифорова в корзину. Она ждала этого письма. Но оно пришло слишком быстро.

Часть 1. От дома – к дому

Глава 1. Конрад

Гаггенау. 1992 год

1

Кто бы сказал Конраду Фольксбюне, что свой век он будет доживать в доме престарелых, не поверил бы никогда. Он слишком любил свой дом, свою страну и себя. Трезво оценивал собственные силы, понимал, что рано или поздно ему понадобится помощь. Но помощь и полная зависимость – это не одно и то же. И все же такое решение было принято...

Конрад знал, что никакой Альцгеймер ему не грозит. Что бы ни говорили, он верил в силу генов: никто из его близких – ни мать, ни бабушка, которая дожила до восьмидесяти пяти лет, ни младшие сестры – не страдал таким недугом. И Конрад знал, что доживет до ста лет точно.

Хотел ли он жить так долго? Хотел. Очень хотел. Жизнь в глазах смотрящего. Он ценил ее, понимал, за что цепляются

старики. Да, со стороны непонятно. Что это такое, когда человека везут на коляске? Жизнь! Вот это она и есть. Когда ты дышишь, слышишь шум ветра и можешь вспоминать.

Воспоминания он мог контролировать, раскладывать по полкам внутреннего книжного шкафа, в любой момент открывать дверцу, брать том, который запланирован на сегодня, и погружаться в то или другое время.

Воспоминания оказывались не только приятными, и Конрад себя не жалел. Слишком долго он жил, слишком много испытал и сам уже был как учебник истории. Две войны, разлуки, потери, смерти близких и любимых. У всего свое начало и свой конец. Все равно везде конец, как ни крути, какую историю ни начни разматывать, придешь к финишу. И это он знал точно. И даже считал правильным. Но когда придет час, назначенный ему, он знать не хотел. Но в чем был уверен совершенно точно – нужно ценить время. Нельзя проживать его бездарно.

Постоянно должно было что-то происходить. Каждые полчаса: в один час – два события. А как же иначе? Потом что-то приключалось раз в два часа, два раза в день. Сегодня – событие в день. Разве это плохо? А перед этим подготовка, а потом воспоминания. Еще один том в книжную полку.

Какой еще дом престарелых?! Конрад категорически отказывался принять решение своего старшего и единственного друга Томаса о переезде в дом престарелых. И пусть это был один из лучших домов подобного типа в земле Ба-

ден-Вюртемберг. Все равно каждый раз, когда Конрад переступал порог маленького дворца, в котором располагалось данное заведение, ему чудились запахи старости и неопрятности. Конечно же, никаких запахов не было и быть не могло. Но как же предчувствие. Страх самой такой возможности.

– Томас, какого лешего ты сюда переехал? Теперь, чтобы поиграть в шахматы, мне нужно поднимать свою задницу, заводить мотор и ехать из Гаггенау в Баден-Баден!

– Ехать тебе ровно двадцать пять минут. И между прочим, прекрасная трасса. Пробок не бывает.

– Но перед этим мне нужно побриться и погладить шейный платок.

– Скажи спасибо, что не предлагаю тебе сходить в казино! Для похода туда, сам знаешь, пришлось бы еще гладить белую сорочку и бабочку.

– Старый ты черт! Слушай, а может, тряхнем стариной?

– Не могу! Я прекрасно знаю своего друга: тебя же потом полночи не оттащить от игорного стола. А я потом могу остаться при своих интересах. Ты же знаешь, фрау Моргенштерн мгновенно найдет мне замену. Этот старый хрыч Густав постоянно наматывает вокруг нее круги на электрической коляске. А он ведь в прошлом поэт!

– Этот облезлый старикашка со слуховым аппаратом? Не смейся меня!

– И тем не менее. Так что у нас, как всегда, два часа. И наши шахматы. И не ворчи. Считай, что я это делаю исклю-

чительно для тебя. Иначе ты бы целый день ходил небритым и забыл, что к черным штанам бордовый платок очень даже подходит. Или, может, тебе тоже нравится фрау Моргенштерн?

– Естественно! Как она может не нравиться? Но! Женщины моего друга – это табу! Старая зануда! Так и знай, на ничью я никогда не соглашусь.

– Договорились, – скрипел Томас.

Со временем у него изменился голос, стал неприятным. И сам он стал неприятным. Разница не такая уж и большая, восемь лет, в какой-то момент стала огромной. Но партии тем не менее Томас выигрывал.

Он не просто играл, а по ходу рассказывал истории.

– Дружище, а почему ты их не записываешь? По-моему, мы потеряли в твоём лице отменного писателя.

– Как сказал Оскар Уайльд, «Я слишком люблю читать книги и поэтому не пишу их».

– Откуда это?

– «Портрет Дориана Грея». А разговоры помогают мне обезвредить противника. Ему нравится, он увлекается историей и отвлекается.

– Ну ты же старый жук!

2

Конрад любил свой город. Еще один минеральный курорт

Германии. В отличие от Баден-Бадена, Гаггенау располагался в низине, вокруг реки Мург.

Старый немецкий городок, где население не дотягивало до тридцати тысяч человек, тем не менее занимал важное место в истории страны. Как, впрочем, любой город в Германии. А почему, собственно, Германии? Любой город на земле. Все это цепочка одной огромной связки. Вынь звено, и все развалится.

Много чего случилось в жизни Конрада, часто он возвращался в прошлое с мыслями: а как бы все сложилось, если бы не произошло то событие или это? Первая гражданская война, революция в России, которая застала его в Москве. Повлиял ли он, молодой парень из Гаггенау, учитель детей в богатой купеческой семье, на ход событий? Так вышло, что уж точно изменил судьбы людей, с которыми был связан. А они – не самые последние представители российской интеллигенции. Вот и связь Гаггенау с мировой историей.

Любимое занятие Конрада. Выстраивать связи. И все же Гаггенау действительно был известен во всем мире благодаря когда-то открытой в городе кузне. Практичные и трудолюбивые немцы не бросили занятия своих предков, а создали компанию, которая и по сей день продает электроплиты и духовки.

Немецкому народу было и есть чем гордиться. Трудолюбием, собранностью, верностью данному слову. А в сельской местности – еще и природой.

Конрад привык вставать рано. Обязательная зарядка и вперед, по Шульштрассе к городскому парку. Два обязательных круга по парку, а раз в неделю, как правило по вторникам, – минеральные термы. Именно по вторникам почему-то в местных термах было не таклюдно. А как приятно погреть старые кости в небольшой круглой купели с термальной водой. И пусть рассказывают что угодно про целебные бассейны в соседних городах, Конрад никогда не согласится. Самая полезная вода здесь! В Гаггенау. Все эти новомодные насыщения кислородом, джакузи – неплохо, конечно, но, как ему казалось, исключительно чтобы заработать деньги и привлечь посетителей.

Конрад все делал по расписанию. Пятнадцать минут в воде, потом двадцать минут отдых. И так три подхода.

Когда-то они ходили сюда вдвоем с Томасом. После терм обязательно сидели на кушетках при входе и смотрели на лестницу за стеклом, по которой спускались дамы в купальниках. А ведь то сидение занимало у них целый час. И это тоже было отдельным удовольствием. Сидя в купели рядом с теми же дамами, их и не видишь совсем, пар мешает. А тут все как на ладони. Ладные, живые. И да, не все стройные. Но все с настроением.

С возрастом Конрад начал ценить в жизни настроение. От чего оно зависело? Почему оно то вдруг улучшалось, то внезапно портилось? Откуда накатывала чернота? Он старался им управлять. В том числе общаясь с приятными людьми

или вот как в этих термах, глядя на них в плавках и в купальниках.

В том числе поэтому он приходил в термы рано. Все же его ровесники приползали попозже. А в это время было много молодежи, лет тридцати-сорока, которая вдруг поняла, что здоровье одно, за ним надо следить. Женщины и мужчины бегали по парку, потом поправляли здоровье в купели с минеральной водой. В итоге все они поднимались по той самой лестнице, многие – парами. Конрад видел, как они пожимали друг другу руки, улыбались. Все это тоже улучшало его настроение. А еще он думал про себя. Хотел бы и он приходить сюда с парой? И приходил к выводу, что нет. Не хотел.

Он не стал себя связывать никакими узами, хотя мог бы. Эгоизм? Или страх испытать сильные эмоции?

3

Решение переехать в дом престарелых созрело у Конрада мгновенно, после того как он вернулся из России.

Идея поехать в страну, которая перевернула всю его жизнь, спустя почти семьдесят пять лет пришла спонтанно, но выбора у него не было.

Перед отъездом он пригласил на встречу свою дочь Штефанию, чтобы распорядиться на случай, если что. Все же он сам прекрасно понимал, сколько ему лет. Штефания пребывала в полном недоумении.

Они сидели в итальянском кафе в центре города «У Тони», перед ними стояла нетронутая пицца.

– Папа, зачем? Ты с ума сошел. Тебе девяносто четыре года. Это невозможно. Надеюсь, тебя не пустят в самолет.

– Не надейся, я уже получил визу и купил билет.

– Но ты же не собирался.

– Изменились обстоятельства.

– Какие обстоятельства?! Ты же всегда повторял – опасно!

– Я? Когда?

– Да всегда! Как только слышал о России, тут же менял тему. Да и мама тоже.

– Ну мама все же была человеком настроения.

– Человеком «ненастроения», ты хотел сказать. В этом ты прав. Она ничего и никого не любила. Ни свою родину, ни меня. А тебя она, похоже, ненавидела.

– Ну что ты говоришь... Зачем.

Штефания расплакалась:

– Папа, я прошу тебя. Ну как ты полетишь?! Один? Нет! Это невозможно.

– А с кем? С тобой? Но ты же не летаешь на самолетах. С Клаудией? Она, кстати, давно объявлялась?

– Ты же знаешь, у нее сложности...

– Знаю, поэтому и говорю. Штеффи, если матери нет дела до собственного ребенка, с какой стати ей интересны дела деда? Надеюсь, что ты сможешь воспитать внучку лучше ее собственной матери.

– Мать не заменит никто, и она есть в жизни Зильке. Папа, ты не прав!

Конрад почувствовал, что сказал лишнего. Зря он так. Матери всегда неприятно, когда плохо говорят о ее ребенке. В чем виновата Штеффи? Она всегда делала все возможное для Клаудии. Но. Что-то они делали не так. Вместе. Он как дед тоже принимал активное участие в воспитании этой девочки, свой внучки. О, Готт! Ну почему так произошло?! Проклятие их рода. Его дочь воспитывала своего ребенка одна, вот и у внучки та же судьба.

Штефания не отступала:

– Был бы жив Томас, он бы тебя отговорил.

На какой-то момент Конрад сник. Ах, Томас. Как же его не хватало... Он бы придумал, что делать, он бы дал совет. Он единственный знал все. Человек не может один выдержать все свои тайны, кому-то он должен рассказать. Для Конрада такой дуэньей был Томас. С ним делился, советовался и всегда получал мудрый совет. В том числе – «Это решение ты должен принять только сам!» И он принимал! Томас был опорой. А вот он ушел, оставил его совершенно одного.

Дочь – это не то, притом что Штефания даже представить себе не могла действительное положение вещей. С Клаудией у него в принципе не было никакого контакта. Как будто она не из их семьи. Господи, о чем он только думает? Кто тут из чьей семьи? Есть еще маленькая Зильке. Почему-то Конрад очень надеялся на эту девочку. В своих мечтах именно ее он

видел той самой феей, которая полетит на крыльях между разными странами и землями, найдет все ниточки, сплетет их между собой, смотает красивый клубок, а потом свяжет из него красивое покрывало.

– Папа, ты меня слышишь?

Конрад мгновенно вынырнул из своих мыслей. Хорошо, что Штеффи задала вопрос, когда мысли переключились на маленькую Зильке. Это его взбодрило.

– Томас меня уговаривал туда поехать еще десять лет назад.

– Вот именно. Десять лет назад можно было бы поехать. Подумай обо мне! Мне самой скоро семьдесят пять!

– Ну так ведь нет же еще! Да, лет тебе немало, но ты так и не поняла, что время торопить нельзя. Это несправедливо по отношению даже не к себе. К нему.

– К кому?

– Ко времени. Не думай ни о чем плохом. Я поеду в Россию. У меня там кое-какие долги. Я должен кое-что уладить.

– Надеюсь, что ничего серьезного.

– Если было бы несерьезное, я бы не поехал.

4

Это случилось за месяц до Рождества. Город уже вовсю готовился к празднику. Не рано ли? Все должно идти своим чередом и быть ко времени. Конрад еще раз отметил для себя,

как поменялась жизнь. Раньше в ноябре никто про Рождество не вспоминал. Нужно было работать. Восстанавливать страну. Репутацию. Сегодня, наверное, это слово вообще мало что для кого значит.

После обеда Конрад по привычке пошел прогуляться в центр города к городской библиотеке. С недавних пор центр стал пешеходным, что тоже раздражало. К чему? Он вполне мог ходить по тротуару. По улицам должны ездить автомобили, гулять нужно ходить в лес. И он все так же упрямо шел по обочине.

Не так давно в центре открылась милая кофейня, где достаточно прилично готовили горячий шоколад. В любом случае сливки взбивали сами. И это тоже стало ритуалом. Пройтись пешком, выпить чашку горячего шоколада, перекинуться парой слов с местной барменшей Бригит, а потом – домой.

Раньше он знал, что по четвергам ездит к Томасу. После того как друга не стало, он придумал себе новые привычки, новые главы, которые обязательно нужно будет записать в книгу жизни. Как говаривал Тургенев? «Надо бы так устроить жизнь, чтобы каждое мгновение в ней было значительным». Тургенева открыла для него Россия.

Учитель Григорьев, с которым Конрад там познакомился, был страстным почитателем книг, и главным русским писателем он объявлял именно Тургенева. Конрад преподавал немецкий мальчику Алеше. Григорьев – русский язык сестре Алеши Жене. Они, учителя, с удовольствием общались

между собой.

По любому отрывку из книги Тургенева, где есть описание природы, Григорьев мог назвать произведение. Конрад не стеснялся тогда задавать вопросы. Это потом он больше молчал, а в то время немедленно спрашивал обо всем:

– Тургенев описывал природу?

– Тургенев описывал жизнь. Причем разную, и светскую, и простых людей. И жил он долгое время в Европе, но не переставал любить Россию. Отсюда и точное описание природы. Потому с любовью.

В последние годы Конрад часто вспоминал Женю. Тихую и нежную. На этом старался свои воспоминания обрывать. Вот про природу – это хорошо. И про значимость момента.

Его мысли прервала шумная Бригит:

– Гутен морген, господин Фольксбюне! По вам можно сверять часы! Новый шарф? Вам идет!

– Привет, Бригит!

Конрад открыл было рот, чтобы сделать заказ, но властная женщина сделала жест рукой:

– Да, да! Все как всегда. Классический круассан, никаких наполнителей. Сливки – почему бы и нет?! Господин Фольксбюне, у меня прекрасная память!

Ох уж эта Бригит. Раньше она работала в кофейне «Ви-ва кафе» на Аугуст Шнайдер штрассе, но когда вдоль улицы пустили поезд, находиться в кофейне стало сущим наказанием, и Бригит перешла на работу по новому адресу.

– Бригит, при чем тут память? В конце концов, своей безапелляционностью ты лишаешь меня возможности пофлиртовать с тобой.

– О чем вы? Флиртуйте сколько вашей душе угодно! Вы прекрасно знаете, что ровно в семнадцать ноль-ноль заканчивается мой рабочий день. – Бригит зазывно подмигнула.

– Но ты же тоже знаешь, что ровно в это время у меня сеанс у мануального терапевта.

Пара ничего не значащих фраз, но настроение они друг другу поднимали. Подмигивали, улыбались, даже чуть-чуть касались друг друга. Бригит тоже уже было хорошо за семьдесят. Чуть младше его дочери. Но когда тебе самому за девяносто, какое это имеет значение? Ох, молодость, молодость. Пятьдесят лет назад женщина младше лет на двадцать его бы, во всяком случае, возбуждала. Сегодня в семидесятилетней женщине он видел исключительно возраст.

Конрад пил мелкими глотками свой напиток и глядел, как напротив украшают витрину книжного магазина. К уже наряженной елке работник добавил смешного мишку в рождественском колпаке, который, естественно, читал детскую книжку с яркими картинками. Сверкала гирлянда, по кругу ехал паровозик. Время идет, меняются эпохи и страны, но радостный мишка и новогодний паровозик, который принесет радость в виде подарков, останутся навсегда неизменными.

На мгновение Конрад в мыслях улетел в далекое прошлое.

Перед глазами возникла, как в фильме, картина из совсем другой жизни.

Богатая московская усадьба. В гостиной уже установили елку, и всюю или приготовления к началу украшения лесной красавицы.

Плотники сделали огромный стол, и весь персонал усадьбы корпел над новогодними поделками. На столе лежали орехи, конфеты, много цветной бумаги, фольги и конфетти. Цельый день они все вместе будут мастерить игрушки для елки. Делать новые, ремонтировать те, что достали с антресолей. Елка большая, и ее всю нужно нарядить. Но это будет завтра. Сегодня – подготовка. Маленький Алеша мельтешил под ногами, хотел быть полезным, но в основном только все ронял и бил. Его старшая сестра Женя исподволь бросала на Конрада заинтересованные взгляды. Конрад никак на это не реагировал. В итоге их мама, Татьяна Александровна, хозяйка усадьбы, в сердцах попросила увести Алешу в детскую.

– Конрад, умоляю, займи Алешу, иначе мы еще неделю потратим на эти приготовления.

– Конечно, мадам. Алексей! А давай-ка сыграем в брикс. Алеша начал капризничать. «Нет! Почему? Что я сделал не так?!»

Разочарованно вздохнула Женя, умоляюще посмотрела на Конрада Татьяну, и Конрад сделал ход конем. А что, ес-

ли мы достанем с антресолей «театр»? Давно мы его не доставали. Ох! Театр! Алеша в восторге. «Театр» считался семейной реликвией. Его в свое время получил в подарок отец Алешеньки от своего отца. Да, то была семейная легенда. Это произошло в Петербурге. Можно было выбрать любую игрушку, и продавец надеялся, что мальчик раскрутит отца на тот самый дорогой брикс, но Николенька выбрал театр «Жизнь за царя». Его можно было складывать и раскладывать. Картонный Сусанин мог опускаться на колени, у поляков ружья были как настоящие. С этими словами Алешу удалось увести от стола.

– А как же ваша газета, господин Фольксбюне?

Конрад вынырнул из своих воспоминаний. И правильно. Долго зависать в том времени он тоже не собирался. Так, легкий ветерок в виде мишки в новогоднем колпачке вернул его в прошлое и тут же опустил в стабильную немецкую действительность.

– Газета! Милая Бригит! А ведь чуть было не ушел домой без последних новостей. И как бы я после этого уснул ночью?

– Уснули бы как младенец. Что хорошего можно прочитать в сегодняшних газетах? Цены ползут вверх, ситуация в мире беспокойна, подростки в грош не ставят своих родителей. Жизнь идет, ничего не меняется.

Как же права была Бригит. В жизни ничего не меняется. Но в одном она ошиблась. После тех новостей ему действи-

тельно было не до сна.

5

То, что Конрад прочел в газете, повергло его в смятение. Он всегда внимательным образом читал российские новости. Зачем? Он и сам не знал. Давно его с этой страной ничего не связывало. Стало быть, он искал. И ждал. Чего? И зачем? И вдруг. Заголовок статьи гласил: «Московский олигарх купил усадьбу вместе с жильцами».

Это что еще за бред? Вроде бы немецкие газеты – не любители непроверенной шумихи и мелких дрызг. Статья называлась «Купить дом с жильцом в придачу».

«Олигарх Иван Торновский покупает усадьбу в районе Замоскворечья. На сегодняшний момент усадьба – это множество коммунальных квартир». – Конрад улыбнулся одними глазами и покачал головой. Не все в Германии знают, что такое коммунальные квартиры. Да и зачем немцам эти знания? Но вот УСАДЬБА и ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ безусловно привлекли его внимание. Пожилой мужчина внимательно продолжил чтение. – «Расселение квартир идет медленно, жильцы не сразу соглашаются переехать в квартиры, которые им предоставил бизнесмен». – «Несчастливые люди», – опять же прокомментировал про себя Конрад. Им выделяют отдельные квартиры, а они недовольны. Олигарх сам занимается расселением. А почему не специальная компания? –

«Практически накануне сделки пожилая женщина, проживающая в одной из комнат, наотрез отказалась освободить квартиру». Далее упоминалось имя вредной старушки Евгении Грохольской. О Готт... Евгения. Конраду показалось, что он перестал дышать. И дальше: «Когда-то эта усадьба принадлежала ее семье. Госпожа Грохольская заявила, что, если ее выселят, она будет жить на улице. Пожилая женщина верила, что ее задача быть при доме. Дом стоит благодаря ее молитвам, и, если она уйдет, он останется без опоры». На автопилоте, уже практически не понимая, о чем идет речь, Конрад дочитал статью. «Беспрецедентный случай. Олигарх соглашается оставить квартиру пожилой женщине, более того, делает ей практически европейские апартаменты с отдельным входом и обещает пожизненное содержание».

Сердце бешено колотилось, Конрад непослушными пальцами пытался расстегнуть ворот рубашки.

– Господин Фольксбюне, у вас все в порядке? – Бригит легонько потянула его за рукав.

– Да, да, ох, нет. Какое, к черту, в порядке? Призраки, Бригит, призраки прошлого.

– Бывает. Не гоните их. Раз посетили, радуйтесь, пусть побудут с вами.

– Думаешь?

– Уверена.

Конрад постарался восстановить дыхание и, как ему казалось, мило попрощался с Бригит:

– Бригит, я возьму газету домой?

– Как хотите, – развела руками удивленная барменша.

Уже на улице Конрад понял, что не заплатил по счету, но возвращаться не стал. Сегодня не до того. Бригит поймет. Он ее отблагодарит. Конрад практически бежал по улицам родного городка, ему нужно было как можно скорее очутиться в своей квартире, закрыться на все замки и еще раз прочитать статью. Нет, этого не может быть. Вот он прочитает и поймет, что все это его старческие фантазии, сравнимые с рассматриванием женщин в термах. Конечно, не может. Если все это правда, то вся его прошедшая жизнь теряла смысл.

Главное – это успокоиться. Конраду удалось взять себя в руки. Он поднялся на третий этаж, перевел дыхание у входной двери. Нажал на кнопку освещения в подъезде и немного огляделся. Ну вот, соседка из квартиры слева уже повесила на дверь рождественский венок. С какой стати? Хотя она его ровесница. Наверное, увидела гирлянды на улицах города, восприняла это как руководство к действию. В другой раз он бы обязательно зашел к ней ближе к вечеру, и они бы вместе посмеялись над возрастом и забывчивостью. Знают друг друга сто лет. Сосед справа опять не убрал велосипед. Не положено. Это общая территория. Но, скорее всего, он недавно вернулся с прогулки и вечером занесет велосипед на свой вместительный балкон. Германия. Порядок в доме соблюдался неукоснительно.

Конрад успокоился мыслями «ни о чем» и открыл дверь

в квартиру. Обычное жилище немецкого холостяка в стиле рустикаль. Вся мебель из дуба, обязательные гардины на окнах, картины жизни пастухов и пастушек на стенах. За уют в доме отвечала его дочь Штеффи. Рано ушедшая жена Александра ни вкусом, ни желанием сделать дом особенно красивым не отличалась.

Конрад тяжело вздохнул, вспомнив о жене. В прихожей он снял теплую куртку и шляпу с полями, надел войлочные тапочки и прошел в гостиную. В этой квартире он жил почти полвека, и тут практически ничего не изменилось. Добавилось современной техники, плита и духовка (естественно, фирмы Гаггенау), в этом году Штеффи настояла на новом холодильнике «Бош». Телевизор тоже во всю стену. Подарок дочери на прошлый Новый год. Он сначала отнекивался, но быстро привык к возможности холодильника предоставлять ему лед для воды и к удобному поиску программ на телевизоре. Не так много он его смотрит. Новости, исторические программы и пара новых телешоу. Все же большой экран для пожилого человека – это благо.

Конрад оттягивал момент чтения газеты. Наконец он собрался с духом и прочитал статью еще раз. А потом еще раз.

На какое-то время все мысли вылетели из головы. Как будто он оказался вне пространства. А может, он умер?

Конрад отбросил газету, тяжело встал со своего диванчика и подошел к окну. Ему всегда лучше думалось стоя. Он смотрел в окно и пытался собраться с мыслями. Что он

сейчас прочитал, и какое все это к нему имеет отношение? Усадьба в Москве. И что? Замоскворечье – район, состоящий практически из одних усадеб. С какой стати речь шла именно о той самой усадьбе?

Евгения. В то время имя Женя было довольно распространенным.

Женя погибла. Да, он не хоронил ее, но он знал об этом совершенно точно. И те минимальные возможности, по которым она могла бы остаться в живых, он перепроверил миллиард раз. Иначе бы не смог ни спать, ни жить спокойно.

Сначала Конрад хотел навести справки, а потом понял, что тянуть больше нельзя. Он прекрасно знал бюрократическую систему Германии.

Лучше он поедет в Россию и разберется на месте. У него просто нет времени ждать. И опять мысли закрутились в голове. Как будто это было вчера. Но о чем-то Конрад знать не мог.

Ярославль. 1918

1

Рожать Женю родители отправили в Ярославскую область. Она долго не могла признаться матери, когда поняла, что к чему. Испугалась ужасно и не понимала, что делать,

с кем поделиться? Отцу о таком не скажешь, хотя именно он был другом по жизни. Алеша, любимый братец, слишком мал для таких новостей; старшая сестра упивалась воздухом революции, ей было не до проблем сестры.

Мать только охнула:

– Нашла время...

Не было ни особенного удивления, ни осуждения. В этом вздохе была только одна мысль. Значит, еще и это. Куда уж больше.

Татьяна Александровна, и так не отличающаяся здоровьем, бродила по дому как тень. Вдобавок вернулся кашель, а это всегда было предвестником начинающегося воспаления легких. В таких случаях папа тут же изолировал маму от внешнего мира, она целыми днями не выходила из своей спальни, никого не пускали и с улицы, чтобы не простудить ее. Как правило, ждали седьмого дня, тогда наступал кризис, и маменька, спаси господи, шла на поправку. Доктор приезжал по несколько раз на день. После кризиса все мгновенно начинали друг другу улыбаться, папа то и дело промакивал навернувшиеся на глаза слезы.

Пришла совсем другая жизнь. Тот же дом, тот же город, те же люди, но все поменялось. Внутри каждого поселился страх, который сковал людей изнутри. Страх будто лишил их эмоций. Вот только что Женя рассказала о чем-то из ряда вон выходящем, и практически никакой реакции. Она бы поняла все: разочарование, раздражение, горечь, но безраз-

личие ударило больнее всего.

– Мама, вам нездоровится? Вы в последнее время бледны.

– Нет, нет, все в порядке, милая. Я не заболею, сейчас совсем не время. Ты же понимаешь.

Женя ничего не понимала. Такое впечатление, что она разбила кувшин с молоком. Что же ей делать? О чем думать и к чему готовиться?

Маман на время и вовсе забыла о дочери. Или не поняла? Большевики крушили все подряд, не жалели ни молодых, ни старых. Обстановка в Москве была ужасающей. Да, действительно, нашла время. Женя готовилась к вопросам об отце ребенка, но даже этим мама не поинтересовалась. Скорее всего, на этот счет у нее просто не было сомнений. Понятно, что им мог быть только старший сын Емельянова Никита, который гостил в усадьбе полгода назад. Известие о его гибели пришло через месяц после его отъезда. Его, кадрового офицера, большевики расстреляли в первые же дни революции, даже разбираться не стали.

Это было первым страшным событием, которое коснулось семьи напрямую.

– Коля, – причитала маман, – ну как же... Он же рассказывал, как любят его солдаты. Как он с ними в поле вместе ночевал, шинелью укрывал. Помнишь, рассказывал про мальчика какого-то? Болел он, что ли? Никита за врачом на лошади всю ночь скакал. Как же так?!

– Вот так, Таня. Теперь все вот так.

– А Алеша? За ним же не придут?!

Женя не то чтобы ревновала, но всегда знала, что сына родители любят больше. Долгожданный, выстраданный. Мать долго рожала дочерей, выжили двое: Евгения и Кристина. И наконец родился Алеша. Непоседливый, бойкий, кудрявый и большеглазый. Именно к нему и приехал Конрад, гувернер из Германии. Молодой скромный парень. На первых порах с домочадцами Конрад говорил по-французски, но довольно быстро выучил русский язык.

Французская гувернантка жила в доме давно, потому все трое детей по-французски говорили прекрасно, но отец был уверен: без немецкого языка в будущем не прожить.

– Все ученье на немецком! Хочешь быть высокообразованным, в первую очередь нужно осваивать этот язык, – не уставал повторять Николай Иванович.

Сначала для изучения немецкого был нанят приходящий учитель Фридрих Шенкель. Мужчина в возрасте никак не мог сладить с вертлявым Алешей – так появился в доме гувернер Конрад Фольксбюне. Воспитанный, спортивный, хороший учитель и добрый человек. Он должен был стать для Алеши наставником и другом на долгие годы. Так и случилось. И не только для Алеши. Он стал другом семьи. Помощником Татьяне Александровне, интересным собеседником для Николая Ивановича. О том, что в него влюбилась Женя, никто и не заметил. В доме все в первую очередь думали об Алеше. Мальчик. Девочка что? Выскочила замуж, и

все! А вот мальчик – наследник династии.

Да. Женя влюбилась в немецкого гувернера сразу. Ей было четырнадцать, а Конраду шестнадцать. Он никакого внимания на девушку долго не обращал. Женя со стороны видела, как кокетничает с ним француженка, слышала, как Конрад ускользает ночами. Что ему до тихой и неприметной Жени? Разве может она привлечь чье-то внимание?

Что за проклятье прожить всю жизнь в тени красавицы матери, в которую так ярко и напоказ влюблен муж. Каждую субботу – гости, бесконечные приемы, где всегда солировала мать, ею восхищались и любовались. Во время таких приемов на какое-то время приводили детей, где внимание гостей приковывал сорванец Алеша. С дочерьми любезно здоровались, девочки скромно приседали в ответ, потупив взгляд. В их доме красавица может быть только одна.

Женя знала, Кристину такое положение вещей абсолютно не волновало, а ей было обидно. Старшая сестра смогла вырваться из-под этого гнета стереотипов. Женя – нет. Но она смирилась. Мать красавица. Сестра – боевая. А она – просто Женя.

Родители любили вспоминать историю их знакомства. Это случилось в Петербурге, в Мариинском театре. Отец был страшным любителем оперы. Ходил на все премьеры. Приезд Патти, Виардо или другой международной звезды никогда не оставался без внимания. У него было свое кресло в третьем ряду партера, крайнее место в середине. Очень

удобно, если опаздываешь или нужно пораньше выйти в антракте. К чему сидеть дальше, если любимая ария уже спета. В антракте шел поприветствовать знакомых в их ложах. И вот как-то дядя его спросил:

– И кто же на сегодняшний день тут самый прекрасный?

Отец обвел взглядом зал и увидел невероятной красоты молодую девицу в бледно-сиреновом платье.

– Она одна!

Через год сыграли свадьбу. По любви, по достатку, по уму. Потому и счастье длилось по сей день.

Дочери, естественно, мечтали о такой же сказочной истории. Но в их окружении даже близко не находилось подобного принца. Все их знакомые были самодовольными и напыщенными продолжателями родительского рода, но никак не самодостаточными единицами.

И вдруг появился он. Конрад. Из другого мира, совсем из другого сословия. Но она ни разу не думала о том, что он ей не ровня. Она, как ей казалось, сама даже близко не соответствовала этому умному и воспитанному парню. Конрад знал себе цену, был очень почтителен, но никогда не заискивал. Его в семье Каретниковых уважали и ценили. Он не был слугой. Он был учителем.

Чувство Жени вспыхнуло неожиданно и очень болезненно. Любовь не приносила радости, а лишь разочарование и страдание.

В какой-то момент Конрад вдруг потянулся к ней на-

встречу. Женя никак не могла понять почему. Было ли чувство со стороны юноши таким же искренним, или это жест отчаяния? Обычная благодарность за поддержку в сложный жизненный момент.

2

Конраду как раз Женя про беременность рассказать не успела. Они даже не успели попрощаться, так стремительно случился его отъезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.